

УДК 821.161.1

DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2020.3.24

**СЕРИЯ ПУБЛИКАЦИЙ «РУССКИЕ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ»
Н. И. БИЛЕВИЧА (1847)**

© Н. Н. Пуряева

*Московский государственный университет
Россия, 119991 г. Москва, Ленинские горы, 1, стр. 51.**Email: nadia_np@mail.ru*

В статье рассматривается серия публикаций Н. И. Билевича (1847), посвященная русским писательницам XVIII–XIX вв.

Интерес к творчеству писательниц наметился еще в первом в истории русской литературы словаре писателей, составленном Н. И. Новиковым («Опыт исторического словаря о российских писателях», 1772), а затем в «Словаре русских светских писателей» митрополита Евгения (Болховитинова) (создавался в 1800-е гг., опубликован в 1845 г.). Однако лишь в конце 1820-х – начале 1830-х гг. этот интерес проявился в полной степени и привел к появлению исследований, посвященных сугубо женскому литературному творчеству. В 1826 г. С. В. Руссов выпустил отдельным изданием «Библиографический каталог российским писательницам», а спустя четыре года на страницах «Дамского журнала» вышла серия публикаций М. Н. Макарова «Материалы для истории русских женщин-авторов».

Цикл статей Билевича стал новым этапом осмысления женского литературного творчества и кодификации русских писательниц в середине XIX в. Билевич анализирует период длиной в 80 лет (с середины XVIII в. до конца 1840-х гг.) и упоминает порядка 106 женщин-авторов. Он выделяет четыре периода истории русской литературы: XVIII в., XIX в. (включая карамзинский период, пушкинский период, современную ему литературу), в каждом из них отмечая наиболее значимых авторов-мужчин и их литературные достижения, а также характеризуя значимость творчества авторов-женщин.

В данной статье проанализирована структура публикаций, выявлена позиция автора по отношению к ключевым писательницам и поэтессам каждого периода, охарактеризовано значение очерков Билевича в истории изучения женской литературы.

Ключевые слова: *русские писательницы, женская литература, Н. И. Билевич, Екатерина II, А. П. Бунина, Н. А. Дурова, Е. П. Ростопчина, З. А. Волконская, К. К. Павлова, Е. А. Ган.*

Исследователи истории русской женской литературы отмечают, что при активно идущем осмыслении ее через призму феминистской и постфеминистской теории значительно меньше внимания уделяется систематизации фактического материала, касающегося женщин-авторов [25, с. 157]. Особенно это относится к периоду с середины XVIII до середины XIX вв.

Процесс кодификации русских писательниц начался с последней четверти XVIII в. и довольно активно продолжился в XIX в. (Н. И. Новиков, Е. Болховитинов, С. В. Руссов, М. Н. Макаров, Н. И. Билевич, Н. Н. Голицын, С. И. Пономарев, Д. Д. Языков и др.). Одним из его проявлений было составление словарей, каталогов, библиографий, которые представляют собой ценный источник не только фактов, но и оценок значимости той или иной персоналии в конкретный период времени.

При этом не все из перечисленных выше работ привлекали равное внимание исследователей. Цикл статей Н. И. Билевича упоминается редко и вскользь [24, с. 351; 25, с. 161], а между тем заслуживает большего внимания, поскольку представляет собой одну из первых попыток систематизировать и целостно осмыслить явление женского литературного творчества. Данная статья призвана восполнить эту лауну, что и определяет ее **актуальность**. В статье впервые будет подробно описана и

проанализирована серия очерков Н. И. Билевича, поскольку **цель** данной работы – ввести в широкий научный оборот еще один источник по истории женской литературы в России.

Спустя семнадцать лет после выхода серии публикаций М. Н. Макарова, посвященных русским писательницам, новую попытку очертить круг отечественных женщин-авторов предпринял Н. И. Билевич. В апреле-августе 1847 г. в четырнадцати номерах новой либеральной газеты «Московский городской листок» выходила серия его публикаций «Русские писательницы».

Сам Билевич задачей своей работы обозначил «составить простой исторический очерк произведениям русских писательниц» [6, с. 457], организуя его по хронологическим периодам: XVIII в., XIX в. (карамзинский период, пушкинский период, особо обозначено «последнее пятнадцатилетие»). Критерии отбора персоналий более четкие, чем у предшественников (Руссова, Макарова): за редким исключением все упомянутые дамы имели публикации в журнале или отдельное издание своих произведений. Очевидно, этим объясняется то, что отсчет писательниц у Билевича начинается с середины XVIII в., а не с более раннего времени, как у Руссова или Макарова.

Обзор каждого периода Билевич начинает с характеристики общего литературного контекста, в

который и «вписывает» женщин-авторов, в чем заключается еще одно его существенное отличие от предшественников. Однако, Билевич тем самым более явно противопоставляет «мужскую» и «женскую» литературу, ставя последнюю в зависимое положение, закрепляя ее статус вторичной. Однако в основном публикации представляют собой библиографию с комментариями, биографическая информация приводится не о всех авторах и в разной степени полноты.

В разделе, посвященном писательницам XVIII в., Билевич упоминает 24 персоналии: Базилевичева (у Голицына – М. Базилевич), Е. И. Баскакова, А. И. Вельяшева-Волынцева, А. М. и Е. М. Волконские, Е. Р. Дашкова (здесь и далее имена приведены с инициалами, выверенными по другим источникам, вне зависимости от того, приводятся ли они у Билевича), Е. П. Демидова, Екатерина II, Звенигородская (нет у Руссова, Макарова, Голицына), М. В. Зубова (у Билевича допущена ошибка в инициалах – М. И. Зубова), К. А. Княжнина, А. Корсакова, А. С. Муравьева, А. П. Мурзина, Е. К. Нилова, М. А. Поспелова, А. Ф. Ржевская, К. Сарафова, М. В. Сушкова (в девичестве Храповицкая), Н. И. Титова, А. А. Турчанинова, Е. С. Урусова, А. П. Хвостова, Е. В. Хераскова.

Билевич начинает историю женской литературы с Екатерины II, подчеркивая ее исключительную роль в распространении просвещения. При этом он подчеркивает, что творческой мотивацией императрицы было не «мелочное самолюбие авторства»: ее литературные занятия «служили ей орудием, средством для сближения с русскими – и худо понял бы тот Екатерину, кто вздумал бы в ее литературных занятиях искать следование небывалой авторской страсти» [1, с. 312].

Отмечая роль монархини в популяризации театра, Билевич делает любопытное замечание о тематике драматургии императрицы. Исходя из посылки о значительном влиянии французских драматургов во второй половине XVIII в. («и Сумароков, воспитанный в школе французской, писал хотя и русским языком, но пьесы его были далеко не по характеру и не по смыслу русского человека»), Билевич ставит в заслугу Екатерине II то, что она одна из первых в поисках сюжетов стала обращаться к современным российским реалиям: «на ее драматические сочинения должно смотреть с уважением, как на первую попытку заимствовать материалы для сцены из жизни народной» [1, с. 312].

Достаточно обстоятельная статья, посвященная Е. Р. Дашковой, содержит ряд любопытных биографических деталей, не встречавшихся у предшественников Билевича.

Другим писательницам екатерининского времени автор отводит значительно меньше внимания, оговариваясь, что выделяет лишь «тех, которые были замечательны в свое время или особенным

талантом, или необыкновенным трудолюбием» [2, с. 319]. Подводя итог разделу, Билевич, в сущности, признает, что лишь фиксирует факт существования писательниц в XVIII в., ни о какой их роли в литературном процессе речи идти не может.

В публикациях, посвященных следующему – карамзинскому периоду (1790–1820), Билевич упоминает в общей сложности 26 персоналий: Алферова (нет у Руссова, Макарова, Голицына, возможно, имеется в виду А. Е. Алфимова), Е. Беклемишева С. Е. Бенкендорф, М. Болотникова, М. А. Боске, А. П. Бунина, А. А. Воейкова, Е. И. Воейкова, А. А. Волкова, Е. Е. Деламар, Е. Н. Делессаль, М. Е. Извекова, Л. Я. Кричевская, В. И. и Н. И. Кусовниковы (в замужестве Н. И. Шульгина), Е. А. Лихарева, М. О. и Е. О. Москвины, А. В. Мухина (в замужестве Карамзина), А. А. Наумова, А. Подшивалова, Е. Н. Пучкова, А. Татищева, Е. И. Титова (сестра Н. И. Титовой), М. Фрейтаг, Е. В. Щербатова.

Он предваряет раздел довольно пространном рассуждением о роли Н. И. Новикова, Н. М. Карамзина, В. А. Жуковского, К. Н. Батюшкова, а также А. Ф. Мерзлякова в развитии литературы данного периода, отмечая, что в 1790–1800 гг. вклад писательниц, напротив, незначителен: «не было замечательных талантов между нашими писательницами, за исключением разве только Волковой» [3, с. 437]. Впрочем, при более подробном разборе ее творчества Билевич высказывается более критично: «стихотворения ее носят на себе отпечаток того классического духа, господство которого в литературе нашей отразилось почти на всех посредственных писателях, появившихся в начале XIX в.» [4, с. 441]. Отмечая, что Волкова стала членом первого литературного общества – «Беседы любителей русского слова», Билевич тут же дискредитирует этот значимый по своей сути факт профессионального признания женщины-автора, говоря, что общество это «составляли литераторы, принадлежавшие в школе классической; Волкова же писала совершенно в их духе, и вот почему им хотелось видеть в ней талант самобытный, и конечно, больший, нежели какой был у нее в самом деле» [4, с. 442]. И подчеркивает далее, что она является скорее анахронизмом: «по таланту и духу сочинений принадлежит к XVIII в., но по времени, в которое выходили ее сочинения, мы должны были отнести ее к периоду *Карамзинскому* нашей словесности». Наконец, Билевич вовсе отказывает Волковой в творческой эволюции: «сравнивая стихотворения, писанные ею в начале ее литературного поприща, с позднейшими, мы не находим в них большого различия даже в слоге» [4].

В меру одобрительно автор говорит об М. Е. Извековой: «Талант девицы Извековой в сравнении с талантами ее предшественниц отличается большим разнообразием. Впрочем, все три романа Извековой мастерства одинакового; о достоинствах их распространяться было бы в наше время странно <...> слог Извековой сносен: он не

хуже обыкновенного способа выражения многих из литераторов (я не говорю писателей того времени, помещавших свои статьи в современных журналах)» [4, с. 440].

Более лестно Билевич отзывается о первой профессиональной поэтессе – А. П. Буниной: «Трудолюбивая и деятельная, не без таланта и даже расположенная несколько к мышлению, она явилась между женщинами литератором-ученым и литератором-поэтом» [5, с. 451]. Бунина – одна из немногих, чью биографию Билевич приводит довольно подробно. Среди писательниц карамзинского периода, пожалуй, ее он ставит выше всех: «Талант Буниной был, без сомнения, замечательнее дарования Волковой» [5, с. 451]. «Вообще, слог Буниной обработаннее и чище, чем у других ей современных и даже следовавших за нею писательниц, и уже заметно в нем влияние стиха Жуковского и Батюшкова. Большая часть ее сочинений оттенены некоторой своеобразностью; можно сказать, что Бунина шла своим путем, образовала сама свое дарование, пользуясь творениями других и никому не подражая рабски» [4, с. 452]. Впрочем, как пишет Билевич, «в лучших стихотворениях Буниной мы не могли, правда, не заметить легкости и свободы стиха, но это относим прямо к той особенной способности, которая дает возможность наслушиваясь гармонии чужой речи, усваивать ее и овладеть ею до степени совершенства. Мысль же, которая бы изобличала присутствие чего-нибудь нового, не нашли мы и в Буниной» [7, с. 669].

О других писательницах и переводчицах этого периода Билевич отзывается нейтрально или пренебрежительно. О сестрах Москвиных, Алферовой, Титовой, Лихаревой, С. Бенкендорф, М. Боске, Е. Щербатовой упоминает «частью для полноты моей статьи, а частью из учтивости к дамам» [3, с. 437]. О творчестве Москвиных говорит, что «муза господ Москвиных близкая родная музе г-жи Анны Турчаниновой <...> Разница только та, что муза г-жи Москвиных всюду гоняется за амуром, а муза г-жи Турчаниновой обращается более к морали» [3, с. 437]. О переводах Наумовой, А. Татищевой, Беклемишевой пишет, что «кажется, все эти три явления были уже и в свое время анахронизмом» [6, с. 456].

Билевич отмечает «лиру» Л. Кричевской, но оговаривается, что она больше писала в 1820-е гг., поэтому с точки зрения хронологии относится к пушкинскому периоду. Однако вернувшись, как и обещал, к рассмотрению ее творчества в соответствующей статье, не особо высоко о ней отзывается, объясняя это тем, что поэзия Пушкина не имела на нее влияния.

Подводя итог карамзинскому периоду, Билевич сокрушается, что поэтические достижения авторов-мужчин не повлияли в заметной степени на творчество писательниц: «дарование Батюшкова и разнообразный талант Жуковского мало имели

влияния на поэтические опыты русских женщин» [7, с. 669]. Таким образом, он еще раз подчеркивает вторичность женского творчества, особенно в поэзии.

Говоря о пушкинском периоде, Билевич не приводит четких хронологических рамок, но по умолчанию получается, что это период после 1820 г. до конца 1840-х. При этом автор особо выделяет последние 15 лет, в течение которых творческая активность писательниц заметно выросла, и даже появились «значительные дарования» [6, с. 457]. Всего в этом периоде он говорит о 56 писательницах и переводчицах: Е. А. Авдеева, Н. Алексеева, В. Н. Анненкова, Н. В. Арсеньева, Е. Бездольная, Василинская (нет у Руссова, Макарова, Голицына), Н. Викулина, З. А. Волконская, А. Воронова, Е. А. Ган, Е. Гладкова, А. П. Глинка, А. И. Голицына (Билевич упоминает лишь фамилию писательницы, поэтому невозможно атрибутировать), С. Грен (инициалы А. Грен Билевич ошибочно приписывает женщине, на самом деле супруг – писатель А. Е. Грен), Дорогомьжская (у Голицына – М. Б. Даргомьжская), Н. А. Дурова, А. П. Елагина, Ю. В. Жадовская М. С. Жукова, Е. Заборовская, С. Закревская, А. П. Зонтаг, А. Зражевская, А. О. Ишимова, Е. А. Клевещкая, Корсакова (Билевич упоминает лишь фамилию писательницы, поэтому невозможно атрибутировать), П. Г. Криворотова, Авд. Кувв... (у Голицына – А. Кувы-я), О. П. Крюкова, Е. Б. Кульман, Лещ-ва (у Голицына – П. Лещ-ская), В. Лизогуб, М. Лисицына, Мартисовичева (у Голицына – Е. М. Мартино-вич), И. Мензелинская, Н. И. Мердер, К. К. Павлова, Петровская-Балбина (у Голицына – Б. Петровская), Н. И. Плещеева, К. Полозова, нераскрытый псевдоним В. Я. П-ва, В. Родзянкина (у Голицына – В. Родзянко), Е. П. Ростопчина (Билевич как отдельную персоналию приводит ее псевдоним *Ясновидящая*), М. Серебрякова, А. И. Ситникова, А. Смирнова, Т. Соколова, Н. С. Теплова, Е. Тютчева, Фан-Дим (псевдоним Е. В. Кологри-вовой). Билевич помечает, что это псевдоним, однако не раскрывает их), А. А. Фукс, Е. Хотяинцева, Е. Н. Шахова, Е. А. Шаховская, О. П. Шишкина, Эсбе (у Голицына – псевдоним С. П. Бурнашевой).

Выдвинув тезис о том, что в 1820-е гг. «дамская литература была решительно бедна», Билевич объясняет это растущим качеством литературы и, как следствие, более высокими ожиданиями читателей, чему писательницы соответствовать априори не могли: «может быть, не поняли ли наши женщины свойственным им тактом, что литература мужает и что читатели становятся взыскательнее <...> что в поэтическом произведении мысль столь же необходима, как и в прозаическом? И, поняв это, быть может, они не желали делиться с публикой произведениями, походившими на «Разыгранный Фрейшиц // Перстами робких учениц» [7, с. 669–670].

Но при этом Билевич отмечает, что за этот период ученичества русская женщина «не только много переняла, но много, может быть, и пересоздала по-своему» [8, с. 677]. Более того, Билевич отмечает, что «теперь во многом она готова опередить нас <писателей-мужчин – Н.П.>» [8, с. 677]. Последние утверждения были восприняты некоторыми исследователями как дающие основание считать, что Билевич тем самым говорит о тенденции женской прозы заявить о своей полноправности в литературе [24, с. 351]. С этим сложно согласиться в полной мере, поскольку Билевич все же не относится к женскому творчеству как к полноценному явлению, оно для него всегда вторично.

Из поэтесс 1820-х гг. на первое место Билевич ставит З. А. Волконскую, при этом подчеркнута предпочитая называть ее «знатной русской дамой», но не писательницей [7, с. 670], таким образом, не признавая ее полноценным автором. Показательно, что, обширно цитируя ее стихотворения, Билевич уклоняется от характеристики ее литературного творчества и отмечает ее влияние именно как личности: «просвещенный ум и высокое образование заставили, может быть, не одну расцветавшую девицу вникнуть глубже в самое себя для того, чтобы не пропал зарытый талант, для того, чтобы таящееся в ней прекрасное не осталось невысказанным» [7, с. 670].

Говоря о 1820-х гг., кратко упоминает также Е. Гладкову, М. Лисицыну, М. Серебрякову, Заборовскую, Алексею, Ситникову, В. Родзянkinу, Василинскую, Дорогомьжскую, Мартисовичеву. На протяжении всего цикла статей Билевич не ставит перед собой цели обозначить горизонтальные связи между писательницами одной эпохи, однако в отношении Лисицыной, Заборовской и Родзянkinо делает исключение – отмечает, что все они публиковались в «Дамском Журнале», а Лисицына была даже постоянным сотрудником издания в течение некоторого времени.

Как особо продуктивный в истории женской литературы Билевич выделяет период с 1830-х гг. по конец 1840-х: «едва ли когда-нибудь столько мыслила и писала русская женщина, как в эти последние годы. Если взять сравнительно сложность всего того, что вышло у нас из-под пера женского с первого примера, показанного императрицей Екатериной II включительно до 1830-х гг., то все это едва ли составит половину того, что написано у нас дамами в последние 18 лет, и мало сказать, написано, потому что между множества их сочинений есть истинно хорошие и истинно изящные» [8, с. 677].

Об этом периоде Билевич говорит подробнее и пытается ранжировать писательниц по значимости. Он отмечает мастерские переводы А. П. Глинки; высоко оценивает поэзию Тепловой: «Неподдельное чувство, гармонический стих и в высшей степени безыскусственность выражения изобличают решительное поэтическое дарование во всех ее

стихотворениях» [8, с. 678]. Билевич присоединяется к апологетам Кульман и приводит весьма подробную ее биографию. Однако, оценивая ее творчество, отмечает, что «при чтении стихотворений Кульман две вещи бросаются в глаза – греческое настроение ее лиры и отсутствие рифмы в стихах. В этих особенностях есть след самобытного дарования. Справедливо, что стихотворения Кульман пересматривает и прочитывает с удовольствием только человек образованный». Именно этим он объясняет равнодушие к ней современной читающей публики [9, с. 685].

В качестве особой группы Билевич выделяет детских писательниц. Характеризуя творчество Зонтаг, Ишимовой и Зражевской, в качестве высшей похвалы отмечает свойственные им «необыкновенное трудолюбие и, бесспорно, дарование» [10, с. 688]. К этой же группе детских писательниц относит Клевещкую, Эсбе (псевдоним Бурнашовой), Воронову, не распространяясь о них подробно.

Говоря о середине 1830-х, Билевич отмечает, что «три таланта, и весьма разнообразные, представляются нам вдруг»: Фукс, Ростопчина, О. Шишкина. Иносказательно обозначает их как «талант востока и его степей, талант южной неги и талант севера» [10, с. 689], однако более подробно к их творчеству не обращается.

Как одну из очень деятельных писательниц данного периода отмечает Дурову, но особо ее не выделяет. Билевич делает оригинальное по своей прямоте предположение, что конец ее творчества связан с приходом нового поколения: «С 40-го г. деятельность г-жи Дуровой затихла. Мы объясняем это очень просто: навстречу ей вышли другие женские таланты» [11, с. 732]. А вот Закревская, Фан-Дим, Жадовская упомянуты бегло.

В заключение своего обзора Билевич обращается к творчеству наиболее значимых, с его точки зрения, современных писательниц: «наконец пора произнести те имена, которые убедили русскую публику, что женщина может владеть пером совершенно твердо, что она может внести в литературу самобытную мысль, что ей равно доступны поэзия и проза, и что она свои воззрения женственно-мягкие или женственно-строгие может выражать бойким языком» [11, с. 733]. Однако, к сожалению, Билевич ограничивается лишь декларацией их значимости, оправдываясь тем, что «литературная деятельность К. К. Павловой, М. В. Жуковой, Е. А. Ган – требует оценки серьезной; мы же, как уже объявили, приняли на себя обязанности только хронографа» [11, с. 733]. Говоря о Павловой, Билевич сокрушается, что нет отдельного собрания ее произведений. Кратко, хотя и положительно высказывается о Жуковой: «талант г-жи Жуковой по истине женский талант. С непритворным простодушием и редкою теплотой чувства рассказывая вам какое-либо происшествие, она раскрывает перед вами верные картины человеческой жизни. В ее повестях все естественно и непринужденно» [12, с. 740–741]. Столь

же высоко отзывается о Ган: «женщина необыкновенная, писательница даровитая. В ее рассказах видна душа возвышенная и страстная. Утрата г-жи Ган – одна из самых тяжких и безвременных потерь, какие потерпела наша литература» [12, с. 741].

Впрочем, скромность Билевича, возможно, объясняется тем, что об этих трех писательниц подробно говорит Ап. А. Григорьев в «Обзрении журналов за май, июнь и июль месяцы», помещенном в том же номере газеты следом за статьей Билевича. Григорьев даже вступает в косвенную полемику с позицией Билевича по отношению к женской литературе: «Не знаем, насколько справедливо мнение господ литераторов о всяком дамском произведении рассуждающих с особенного рода снисходительностью, которая чуть ли не хуже самой неумеренной брани <...>, знаем только, что в настоящую минуту несколько женщин писательниц могут быть уволены от этого неприличного снисхождения <...>» [11, с. 733].

В поле зрения Билевича попали далеко не все современные писательницы. Критерии отбора персоналий и степень внимания к ним вызвали вопросы даже у редактора газеты. В. Н. Драшусов поместил после итоговой статьи Билевича свой не вполне лестный комментарий, который сильно дискредитировал работу: «Г. Билевич доплел венки из имен русских писательниц; он благоразумно отказался распространяться об их достоинстве – где же ему плести с таким искусством, как это было бы тут нужно. <...> Список русских писательниц, составленный нашим сотрудником, конечно, не содержит всех имен тех женщин, которые усердствовали и усердствуют литературе и, напр., г. Билевич не знает даже некоторых писательниц, бросивших цветочек, другой на страницы «М. Г. Листка»: мы их имен (речь идет о Жадовской, Павловой, Улыбышевой, публиковавшихся в газете) ему не открыли» [12, с. 742].

Позиция Билевича, в самом деле, отличается тенденциозной снисходительностью: здесь мы не согласимся с исследователями, говорящими об отсутствии этого «идеологического крена» [25, с. 161]. Не давая никакой оценки творчеству писательниц XVIII в., уже следующий – карамзинский – период Билевич меряет в соответствии с достижениями «мужской» литературы. О пушкинском периоде говорит как о периоде ученичества («прежде нужно учиться чему-нибудь, а потом уже писать» [8, с. 677]. Лишь о последнем периоде (1830–1840-е гг.) говорит как об этапе, когда проявляется самобытность женского творчества, однако дать систематическую оценку этого периода Билевич не в состоянии. Таким образом, по мысли Билевича, «женская» литература на протяжении примерно 60 из рассматриваемых 80 лет своего существования шла в фарватере «мужской» и лишь в недавнее время сравнялась в развитии.

В целом, в своих публикациях Билевич упоминает 106 персоналий, среди которых как писательницы, так и переводчицы. Критерии отбора, как уже говорилось выше, более четкие, чем у предшественников, при этом нельзя не отметить большого количества неточностей в именах, а также курьезный факт, что Ростопчина упомянута дважды – под своим собственным именем и под псевдонимом (Ясновидящая).

Небрежность в именах писательниц, противоречия в высказываниях, смысловые повторы в текстах статей во многом объясняются тем, что серия публикаций создавалась специально для газеты по мере ее выхода в свет. Как уже говорилось, своей задачей Билевич ставил очертить круг значимых писательниц и «вписать» их в общий литературный контекст, что удалось ему, впрочем, не в полной мере. Можно говорить о преемственности статей Билевича взглядам Новикова, Болховитинова, Макарова, а вот знакомство с каталогом Руссова кажется сомнительным.

Особой заслугой Билевича можно считать то, что его публикации стали одной из первых попыток целостно осмыслить период истории женской литературы длиной в 80 лет. Впрочем, маловероятно, что эта работа имела широкий резонанс, поскольку появилась в форме серии газетных статей, помещенных к тому же в издании, просуществовавшем лишь один год. Тем не менее, Н. Н. Голицын, автор «Библиографического словаря русских писательниц», остающегося по сей день самым полным русскоязычным словарем отечественных писательниц, упоминает Билевича как одного из значимых своих предшественников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Билевич Н. И. Русские писательницы XVIII века // Московский городской листок. 1847. №78, 11 апреля. С. 311–316.
2. Билевич Н. И. Русские писательницы XVIII века (Окончание) // Московский городской листок. 1847. №80. 14 апреля. С. 319–321.
3. Билевич Н. И. Русские писательницы XIX века (Период карамзинский) // Московский городской листок. 1847. №108. 21 мая. С. 435–438.
4. Билевич Н. И. Русские писательницы XIX века (Период карамзинский) (Продолжение) // Московский городской листок. 1847. №109. 22 мая. С. 440–442.
5. Билевич Н. И. Русские писательницы XIX века (Период карамзинский) // Московский городской листок. 1847. №113. 27 мая. С. 451–452.
6. Билевич Н. И. Русские писательницы XIX века (Период карамзинский) (Окончание) // Московский городской листок. 1847. №114. 28 мая. С. 455–457.
7. Билевич Н. И. Русские писательницы XIX века. Период пушкинский // Московский городской листок. 1847. №167. 31 июля. С. 669–670.
8. Билевич Н. И. Русские писательницы XIX века (Продолжение) // Московский городской листок. 1847. №169. 2 августа. С. 677–678.
9. Билевич Н. И. Русские писательницы XIX века (Продолжение) // Московский городской листок. 1847. №171. 5 августа. С. 683–686.

10. Билевич Н. И. Русские писательницы XIX века (Продолжение) // Московский городской листок. 1847. №172. 7 августа. С. 688–689.
11. Билевич Н. И. Русские писательницы XIX века (Продолжение) // Московский городской листок. 1847. №183. 21 августа. С. 732–733.
12. Билевич Н. И. Русские писательницы XIX века (Окончание) // Московский городской листок. 1847. №185. 25 августа. С. 740–742.
13. Голицын Н. Н. Библиографический словарь русских писательниц. М., 1889. 308 с.
14. Пономарева В., Хорошилова Л. Мир русской женщины: семья, профессия, домашний уклад XVIII – начало XX века. М., 2016. 282 с.
15. Пуряева Н. Н. Писательницы в первом словаре русских писателей Н.И.Новикова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». 2016, № 3. С.107–117.
16. Пуряева Н.Н. Писательницы в «Словаре русских светских писателей» митрополита Евгения (Болховитинова) // Вестник Московского ун-та. Сер. 9: Филология. 2016. №4, с. 131–145.
17. Пуряева Н. Н. «Библиографический каталог российским писательницам» С. В.Руссова // Вестник Московского гос. обл. ун-та. Сер. «Русская филология». 2018. №3. С. 147–152.
18. Пушкирева Н. Л. Гендерная теория и историческое знание. СПб., 2007. 496 с.
19. Репина Л. П. История женщин и гендерные исследования: от социальной к социокультурной истории // Репина Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 2009. С. 194–208.
20. Руссов С. В. Библиографический каталог российским писательницам. СПб, 1826. 46 с.
21. Савкина И. Л. «Кто и как пишет историю русской женской литературы» // Новое литературное обозрение. 1997. №24. С. 359–372.
22. Савкина И. Л. Пути, переулки и тупики изучения истории русской женской литературы // Женский вызов: русские писательницы XIX – начала XX века. Тверь, 2006. С. 11–27.
23. Савкина И. Л. Разговоры с зеркалом и зазеркалем. М., 2007. 438 с.
24. Сварчевская Т. В. О женском присутствии в русской литературе XIX в.: литературный канон и авторы-женщины // Вестник Тверского гос. ун-та. Сер. «Филология». 2014, №3. С. 348–353.
25. Строганова Е. Н. «Пропущенная глава». Женское писательство в России XIX века: российский опыт изучения // Гендерные исследования. 2005. №13. С. 157–170.
26. Строганова Е. Н. Классики и современницы. Гендерные реалии в истории русской литературы XIX века. М., 2019. 400 с.
27. Хайдер К. «В сей книжке есть что-то занимательное, но...» Восприятие русских писательниц в Дамском журнале // Пол. Гендер. Культура. М., 2000. Т. 2. С. 131–153.
28. Шнайдер Н. Женщина-писательница в словарях XVIII–XIX вв.: краткое изыскание // Родная словесность в современном культурном и образовательном пространстве: сб. науч. трудов. Тверь, 2017. С. 19–23.
29. Яшук Е. Хронологическая роспись содержания газеты «Московский городской листок» (1847) // Новое литературное обозрение. 2018. №4. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/152/article/20051/ (дата обращения 20.04.2020).
30. A History of Women's writing in Russia. Edited by Adele Marie Barker, Jeanne M. Gheith Cambridge University Press. 2002. 392 p.
31. An Improper Profession. Edited by Barbara T. Norton and Jeanne M. Gheith. Duke University Press. 2001. 322 p.
32. Kelly Catriona. A history of Russian women's writing, 1820–1992 / Catriona Kelly. Oxford: Clarendon press, 1998. 497 p.
33. Russian Women, 1698–1917. Experience and Expression: An Anthology of Sources. Compiled by Robin Bisha, Jeanne M. Gheith, Christine Holden and William G. Wagner. Indiana University Press. 2002. 408 p.
34. Women's History in Russia: (Re)Establishing the Field. Edited by Marianna Muravyeva and Natalia Novikova. Cambridge Scholars Publishing. 2014. 253 p.

Поступила в редакцию 30.05.2020 г.

После доработки – 28.06.2020 г.

DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2020.3.24

**A SERIES OF ARTICLES “RUSSIAN FEMALE WRITERS”
BY N. I. BILEVICH (1847)**

© N. N. Puryaeva

*Moscow State University named after M. V. Lomonosov
51 Bldg., 1 Leninskie Gory, 119991 Moscow, Russia.*

Email: nadia_np@mail.ru

The author of the article considers a series of publications by Nikolai Bilevich (1847), dedicated to Russian female writers of the 18–19th centuries. Interest in female creative work glimpsed already in the first Russian dictionary of writers – “Opyt Istoricheskogo Slovaria o Rossiiskikh Pisateliakh” (1772) by Nikolay Novikov, followed by “Dictionary of Russian secular writers” by Metropolitan Eugene (Bolkhovitinov) (first compiled in 1800s, published in 1845). However, it was not until late 1820–early 1830 that this interest manifested itself in full and resulted in launching specific research dedicated to female writers. Sergei Russov published his “Bibliographic Catalogue of Russian Female Writers” in 1826. Four years later a series of articles entitled “Materials for History of Russian Female Authors” by Mikhail Makarov was published in “The Ladies’ Magazine.” Bilevich’s publications marked a new stage of accessing female literature as well as codifying female writers and poetesses. His research covered the period of over 80 years (from the middle of the 18th century to his days) and mentioned as many as 106 female authors. Bilevich singled out four periods in the history of Russian literature: the 18th century and 19th century divided into “karamzinskiy” period, “pushkinskiy” period, and “contemporary” literature. He characterized most prominent male authors and their achievements and gave a brief outline of female creative activity in each period. The author of the article analyzes the structure of Bilevich’s publications, outlines the attitude of the author to some key writers and poetesses of each period, characterizes the impact of Bilevich’s essays for the history of female literature.

Keywords: Russian female writers, women’s literature, N. I. Bilevich, Catherine II, A. P. Bunina, N. A. Durova, E. P. Rostopchina, Z. A. Volkonskaya, K. K. Pavlova, E. A. Gan.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at bulletin_bsu@mail.ru if you need translation of the article.

REFERENCES

1. Bilevich N. I. *Moskovskii gorodskoi listok*. 1847. No. 78, 11 aprelya. Pp. 311–316.
2. Bilevich N. I. *Moskovskii gorodskoi listok*. 1847. No. 80. 14 aprelya. Pp. 319–321.
3. Bilevich N. I. *Moskovskii gorodskoi listok*. 1847. No. 108. 21 maya. Pp. 435–438.
4. Bilevich N. I. *Moskovskii gorodskoi listok*. 1847. No. 109. 22 maya. Pp. 440–442.
5. Bilevich N. I. *Moskovskii gorodskoi listok*. 1847. No. 113. 27 maya. Pp. 451–452.
6. Bilevich N. I. *Moskovskii gorodskoi listok*. 1847. No. 114. 28 maya. Pp. 455–457.
7. Bilevich N. I. *Moskovskii gorodskoi listok*. 1847. No. 167. 31 iyulya. Pp. 669–670.
8. Bilevich N. I. *Moskovskii gorodskoi listok*. 1847. No. 169. 2 avgusta. Pp. 677–678.
9. Bilevich N. I. *Moskovskii gorodskoi listok*. 1847. No. 171. 5 avgusta. Pp. 683–686.
10. Bilevich N. I. *Moskovskii gorodskoi listok*. 1847. No. 172. 7 avgusta. Pp. 688–689.
11. Bilevich N. I. *Moskovskii gorodskoi listok*. 1847. No. 183. 21 avgusta. Pp. 732–733.
12. Bilevich N. I. *Moskovskii gorodskoi listok*. 1847. No. 185. 25 avgusta. Pp. 740–742.
13. Golitsyn N. N. *Bibliograficheski slovar' russkikh pisatel'nits* [Bibliographic dictionary of Russian female writers]. Moscow, 1889.
14. Ponomareva V., Khoroshilova L. *Mir russkoi zhenshchina: sem'ya, professiya, domashnii ukhod XVIII – nachalo XX veka* [The world of a Russian woman: family, profession, home life of the 18th – early 20th centuries]. Moscow, 2016.
15. Puryaeva N. N. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya «Russkaya filologiya»*. 2016, No. 3. Pp. 107–117.
16. Puryaeva N.N. *Vestnik Moskovskogo un-ta. Ser. 9: Filologiya*. 2016. No. 4, s. 131–145.
17. Puryaeva N. N. *Vestnik Moskovskogo gos. obl. un-ta. Ser. «Russkaya filologiya»*. 2018. No. 3. Pp. 147–152.
18. Pushkareva N. L. *Gendernaya teoriya i istoricheskoe znanie* [Gender theory and historical knowledge]. Saint Petersburg, 2007.
19. Repina L. P. Repina L. P. *«Novaya istoricheskaya nauka» i sotsial'naya istoriyam*. Moscow, 2009. Pp. 194–208.

20. Russov S. V. Bibliograficheskii katalog rossiiskim pisatel'nitsam [Bibliographic catalog of Russian female writers]. Saint Petersburg, 1826.
21. Savkina I. L. Novoe literaturnoe obozrenie. 1997. No. 24. Pp. 359–372.
22. Savkina I. L. Zhenskii vyzov: russkie pisatel'nitsy XIX – nachala XX veka. Tver', 2006. Pp. 11–27.
23. Savkina I. L. Razgovory s zerkalom i zazerkal'em [Conversations with a mirror and with the world behind it]. Moscow, 2007.
24. Svarchevskaya T. V. Vestnik Tverskogo gos. un-ta. Ser. «Filologiya». 2014, No. 3. Pp. 348–353.
25. Stroganova E. N. Gendernye issledovaniya. 2005. No. 13. Pp. 157–170.
26. Stroganova E. N. Klassiki i sovremennitsy. Gendernye realii v istorii russkoi literatury XIX veka [Classics and contemporaries. Gender realities in the history of Russian literature of the 19th century]. Moscow, 2019.
27. Khaider K. Pol. Gender. Kul'tura. Moscow, 2000. Vol. 2. Pp. 131–153.
28. Shnaider N. Rodnaya slovesnost' v sovremennom kul'turnom i obrazovatel'nom prostranstve: sb. nauch. trudov. Tver', 2017. Pp. 19–23.
29. Yashchuk E. Novoe literaturnoe obozrenie. 2018. No. 4. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/152/article/20051/ (data obrashcheniya 20.04.2020).
30. A History of Women's writing in Russia. Edited by Adele Marie Barker, Jeanne M. Gheith Cambridge University Press. 2002.
31. An Improper Profession. Edited by Barbara T. Norton and Jeanne M. Gheith. Duke University Press. 2001.
32. Kelly Catriona. A history of Russian women's writing, 1820–1992 / Catriona Kelly. Oxford: Clarendon press, 1998.
33. Russian Women, 1698–1917. Experience and Expression: An Anthology of Sources. Compiled by Robin Bisha, Jeanne M. Gheith, Christine Holden and William G. Wagner. Indiana University Press. 2002.
34. Women's History in Russia: (Re)Establishing the Field. Edited by Marianna Muravyeva and Natalia Novikova. Cambridge Scholars Publishing. 2014.

Received 30.05.2020.

Revised 28.06.2020.